

Провинциальность – болезненное ощущение, которое порождает в людях неуверенность и недовольство собой. В архитектуре провинциализм выражается в бездумном подражании столичным модным тенденциям, в недоверии властей к местным архитекторам, а также в неумении оценить значимость и оригинальность нестоличной архитектуры. В результате утрачивается то ценное, что есть в провинции, а шедевров новой архитектуры не появляется.

Ключевые слова: столица; провинция; провинциализм; мода; неуверенность; недовольство собой. /

Provinciality is a painful feeling that causes uncertainty and dissatisfaction with oneself. In architecture, provincialism is manifested in a thoughtless imitation of the newest metropolitan trends, in distrust in local architects demonstrated by the authorities, as well as in incapability to appreciate the significance and identity of the non-metropolitan architecture. As a result, the province loses its valuable features, while the new architecture does not produce any masterpieces.

Keywords: capital; province; provincialism; fashion; uncertainty; dissatisfaction with oneself.

О провинциальности, жадности и тоске по столичной жизни /

текст
Елена Багина /
text
Elena Bagina

Нигде так не пекутся о том, чтобы, не дай бог, не отстать от моды, как в глухой провинции.

Георгий Гурджиев

Провинциальность – неизбежное, болезненное ощущение, что где-то есть метрополия и жизнь в ней лучше, богаче и правильнее. Это ощущение порождает недовольство собой и тем местом, где приходится в силу разных обстоятельств жить. Кажется, что физическое перемещение в столицу что-то сразу и навсегда изменит.

«В Москву, в Москву, работать, работать», – без устали повторяли чеховские героини. А дядя Ваня у Антона Павловича даже застрелился от тоски.

Увы, перемещение в пространстве никого и никогда не спасало от чувства собственной неполноценности. Провинциалы, переехав в столицу, тянутся, как правило,

к таким же провинциалам. Спесь и высокомерие столичных жителей – проявление того же самого синдрома провинциальности – ранит их. Страстное желание жить полноценной жизнью и доказать, что они чего-то стоят, иногда выливается у «понаехавших» в гиперактивность, и, казалось бы, успех – вот он, достигнут. Есть квартира, есть деньги, есть даже слава. Но удовлетворения нет, и неуверенность в себе остается. В Москве, добившись успеха, провинциалы повторяют: «В Нью-Йорк, в Нью-Йорк...», а в Нью-Йорке будут грезить Парижем или Лондоном.

Жизнь не в столице провинциалу зачастую видится не настоящей, а следовательно, то, что он там делает, – тоже временное и ненастоящее. Если, не дай бог, человек, страдающий синдромом провинциальности, облечен властью и полон желания сделать у себя в городе все «по-столичному» – это беда. Вот тогда-то появляются такие странные вещи, как «Москва-Сити», стеклянные высотки у городского пруда в Екатеринбурге, безжалостно сносятся деревянные строения XIX века в Иркутске. Местным архитекторам и градостроителям чиновники, страдающие этим синдромом, не верят – приглашают иноземных, и сами с удовольствием ездят в европейские столицы – набраться опыта, ибо ничего слаще нет для провинциала, чем съездить в мировую столицу: «увидеть Париж и умереть».

Чувство неполноценности и неуверенности заставляет владельцев магазинов и кафе в городах, где иностранцев днем с огнем не сыщешь, на вывесках писать огромными буквами по-английски иноземные названия, иногда с ошибками. Неспроста в провинциальной рекламе ключевыми словами являются Европа, Америка, Лондон, Париж: евростиль, евроокна, евроремонт, торговый центр «Европа», ресторан «Лондон», парикмахерская «Париж»...

Люди с болезненным чувством провинциальности опасны. Их жадность жестока и беспощадна, а решения губительны для тех мест, где они правят. Сколько стараниями и трудами страдающих синдромом провинциальности явилось миру памятников жадности: ярко раскрашенные сараи торговых комплексов, высотные стеклянные сооружения в исторических центрах исторических городов, снесенные и обезображенные строения

On Provinciality, Greed and Aspiration for a Metropolitan Life

прошлых веков, застроенные административными и торговыми зданиями скверы, уплотненные точечной застройкой жилые кварталы. Зачем? Затем, что жить в своей провинции провинциалы от власти не собираются. Они здесь хотят только зарабатывать.

А что же патриоты? У них провинциальность тоже неизбывна. Они не верят, что что-то можно сделать для родного города, что их голоса услышат. Правда, в последнее время ситуация меняется. В Екатеринбурге противники строительства в акватории исторического городского пруда церкви с разноцветными куполами и смешными кокошниками устраивают многолюдные акции. Ни один здравомыслящий архитектор не поддерживает идею этого строительства, но власти как бы этого не замечают. Как всегда, «Васька слушает, да ест». У провинциальных чиновников свои соображения и по поводу церковной архитектуры, и по поводу квалификации местных архитекторов. А отстать от столичной моды для них смерти подобно. К тому же они хорошо знают, что большинство населения пассивно (не разбудили бы только электорат в России планами реновации пятиэтажек в столице. А то, неровен час, в Москве гражданское общество родится. А провинция подхватит столичную инициативу).

Гражданского общества пока ни в столице, ни в провинции нет. Активисты, как всегда, поорут-поорут и смирятся. Так что, возможно, храму на воде в Екатеринбурге быть. И ведь все из лучших побуждений. Поговаривают, правда, что не без экономической выгоды этот проект стараются реализовать: застройщикам вырытую землю при строительстве близлежащего жилого комплекса возить далеко не хочется. Проще ею часть пруда засыпать и построить церковь. Будет, как им кажется, модно, оригинально (прикольнo) и по-столичному.

В 20-х годах XX века на волне революционного энтузиазма Екатеринбург пытались из провинциального захолустного городка превратить в столицу индустриального Урала. Маяковский даже стихи написал:

*Я знаю, город будет,
Я знаю, саду цветсть,
Когда такие люди в стране советской есть.*

И еще:

На наших глазах городище родится из воли Урала, труда и энергии.

Много снесли тогда церквей – настроили клубов. И братья Веснины в Свердловске (Екатеринбурге) экспериментировали, и Моисей Гинзбург жилые дома строил, и Яков Корнфельд, и Леонид Пастернак, и местные архитекторы не отставали. Теперь конструктивизм – лицо города. Правда, этому лицу косметические маски уже не помогут, нужна кардинальная пластическая операция.

Но в провинции всегда было плохо с реставрацией. Сломать и новое построить – это можно. А реставрировать с чувством провинциальной неполноценности и мелочной жадностью очень сложно. Чтобы провести нормальную реставрацию из жилых домов, нужно отселить людей, для клубов искать новую функцию... В общем, мороки много – денег мало. Новое строительство дает большую прибыль, а жадность, как всегда, зашкаливает. Поэтому новое строится, а старое сначала не ремонтируется, потом его становится сложно и дорого реставрировать, потом оно просто разрушается... Вот тогда-то и начинаются вздохи об утраченной идентичности, упреки в провинциальности и... обостряется тоска по столицам.

Городок Чекистов в Екатеринбурге – памятник федерального значения. 16 мая 2017 года там был пожар. Всполошились СМИ. Местные архитекторы и искусствоведы еще раз сказали: нужно реставрировать, иначе ничего не останется от этого памятника. Все с этим согласились, но будет удивительно, если что-нибудь изменится.

Иностранцы приезжают – языком цокают и не понимают, почему нельзя исторические дома отреставрировать, если они такие значимые для города? Не объяснишь ведь, что провинциальный синдром поразил головы, которые должны принимать решения. Поэтому господа любители конструктивизма, поезжайте-ка лучше в столицу. Там недавно историческое здание «Известий» внук Бархина отлично отреставрировал. Правда, и в Москве проблемы все те же – провинциальные. Некоторые говорят, что Москва уже немного на Нью-Йорк похожа. Врут, наверное.